

титул

УДК 94
ББК 63
П75

Дизайн серии *Анастасии Барановой*

Привалов, Кирилл Борисович
П75 Тайные общества: мифы, история, символы / Кирилл Привалов. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 432 с. — (Следы истории).

ISBN 978-5-17-188935-7

Кто на самом деле направляет ход мировой истории — великие правители или те, кто предпочитает оставаться в тени? Эта книга — масштабное историческое расследование, приглашающее заглянуть за кулисы самых загадочных и закрытых организаций человечества. Читатель узнает, как зарождались, процветали и уходили в подполье секретные ордены; какие тайные знаки и символы они оставляли в архитектуре, искусстве и даже на денежных купюрах; каким образом их деятельность повлияла на современный мир.

От легендарных рыцарей-тамплиеров и могущественных отцов-иезуитов, полумифических дервишей-суфиев и страшных ассасинов до масонов и розенкрейцеров. Автор шаг за шагом отделяет конспирологические теории от исторических фактов, обнажая скрытые пружины великих революций и геополитических переворотов.

УДК 94
ББК 63

ISBN 978-5-17-188935-7

© Привалов К.Б., текст, 2026
© Издательство АСТ, 2026

Нет ничего сокровенного, что не открылось бы, и тайного, чего не узнали бы.

Евангелие от Луки (12:2)

Присутствие символов, загадочных знаков и таинственных выражений в религиозных преданиях, произведениях искусства, сказках и фольклорных обычаях свидетельствует о существовании языка, повсюду распространенного на Востоке и на Западе, трансисторическое значение которого восходит, похоже, к самому корню нашего существования, наших знаний и наших ценностей.

*Рене Алло, французский историк
и философ-герметик*

Как указать на то, что нужно указать, и не преступить клятвы?.. Мы затрагиваем тут самую большую тайну Великого Делания...Однако нам не позволено выдавать непосвященным тайну.

Фулканелли, главный алхимик XX века

Ничто в мире не может противостоять объединенным усилиям достаточно большого числа оригинальных умов.

*Пьер Тейяр де Шарден, французский
философ и теолог*

Человек понимающий знает и чувствует, что знание его обеспокоено утратой чего-то такого, что было жизненно важно для его предков.

*Карл Густав Юнг, швейцарский
психиатр и философ*

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие. Где живет Тайна?	5
Жестокие маги Запада	27
Страницы истории. Мистерия и аутопсия	55
Страницы истории.	
Зашифрованный свист, или Люди без имени	65
Магическая химия Египта	85
О тайне масонства и о масонстве без тайны	102
Страницы истории: галиматья и палладины	137
Сложные шутки Ходжи Насреддина	147
Страницы истории.	
Киллеры Средневековья, или Триумф кинжала	172
Месть Великого Магистра	182
Страницы истории.	
Женский нрав Великого Белого братства	214
Страницы истории. Госпитальеры, тевтонцы, et cetera ..	224
Инквизиция: спецслужба номер один	248
Страницы истории. В бедности и лапоть — башмак	273
Для явки на шабаш метла не обязательна	287
Страницы истории	
Отверженные, блаженные... Благородные ли?	313
Страницы истории. «Верховный Дракон»,	
«Имперский Маг» и «Великие Гоблины»	321
Адепты Великого делания	330
Жгите, Братья, уголь!	356
Идущие в небо... ..	368
Страницы истории. Закон беззакония	379
Дети Розы и пеликана	387
Страницы истории. Префект не любил Протоколы	401
Послесловие. Управляют ли тайны миром?	411
Приложение. Окультная когорта	415

ПРЕДИСЛОВИЕ

ГДЕ ЖИВЕТ ТАЙНА?

— **Т**ам живет тайна... — Сказала мама. Мы возвращались домой по пыльной, летней подмосковной дороге, и на каком-то дачном углу я взглянул налево и увидел долгую тропинку, уходящую за горизонт до потери взгляда. Далеко — то ли в лес, то ли в речную пойму... Не понимаю сейчас почему, но эта столь решительно уходящая вдаль тропка тогда, много лет назад, так удивила меня, еще дошколенка, что я спросил мать:

— Куда эта дорога ведет?

И мать сказала про тайну, которая живет в конце любой улицы, в глубине каждого коридора. Стоит только ее поискать... (Потом я услышал то же самое в песне Пьера Рапса, классика французской песни: «Il y a toujours du mystère au bout du couloir»¹).

С тех пор я нахожу тайну или хотя бы ее следы в любом городе, в любой стране, где только не бывал. И в этом, как мне кажется, нет ничего удивительного.

Мы живем в мире тайн, их не замечая. А, может, мы просто-напросто не желаем их видеть рядом с собой? «Ничто не делает нас такими одинокими, как наши тайны», —

¹ «В конце каждого коридора живет тайна» — так называется популярная песня бельгийского певца Пьера Рапса (1948–2002).

утверждал швейцарский писатель Поль Турнье². А одиночества каждому из нас и так хватает в этом суетном мире. И все же: когда все вокруг ясно, плоско и гладко, жизнь становится пресной и скучной. Секреты же и загадки делают наше бытие насыщеннее, ярче, увлекательнее. Пусть порой и ценой беспокойства, разочарований... За все надо платить — это аксиома. Тем паче — за прикосновение к тайне. И не станем обращать внимание на то, что, как известно, лучше всего хранятся те секреты, которые никого не интересуют.

Итак, тайна, таинство, тайность, таинственность, тайник, тайный...

Похожие, однокоренные, но при этом такие разные слова с различными смыслами. Если не вникать в их суть, можно, ничтоже сумняшеся, навесить ярлык «тайное общество» на любую мало-мальски закрытую, избегающую чужих глаз и ушей организацию. Но, во-первых, там, где собираются более трех человек, никакая истинная Тайна — как показывает многовековой опыт человечества — долго не живет. Как гласит русская пословица: «Один — тайна, два — полтайны, три — нет тайны». Если верить Парацельсу³: «Нет ничего скрытого, что бы не стало явным». Во-вторых, общество по-настоящему тайным — как это, вероятно, не покажется кому-то парадоксальным — может быть только там, где правила поведения его членам диктуют организации, так или иначе вписанные в структурную ткань государства со всеми его институтами и инструментами, включая религиозные сообщества, общественные объединения, армию, министерства и «прочая-прочая». Не имеет значения — под знаком плюс или под знаком минус. Ибо слово «орден» (лат. «ордо» — «ряд, отряд,

² Поль Турнье (1898 — 1986) — швейцарский врач и писатель, получивший всемирную известность благодаря своей работе в области пастырского душепопечения.

³ Парацельс (настоящее имя — Филипп Ауреол Теофраст Бомбаст фон Гогенгейм) (предположительно 1493 — 1541) — швейцарский алхимик, врач, философ, естествоиспытатель эпохи Возрождения.

вереница»), столь часто употребляемое в отношении тайных обществ, предполагает само по себе строгий порядок — поведения и подчинения. И порядок такой в значительной части зависит от общества в наиболее широком смысле этого слова. (Для квартирантов сумасшедшего дома никаких тайн не существует.) В конце концов и самые, казалось бы, незначительные подпольные, тщательно законспирированные общества являются частью большого национального или международного социума. Его пусть невидимыми, не столь очевидными при поспешном взгляде элементами, но тем не менее если не существенными, то так или иначе бытующими во временном, политическом и экономическом контекстах.

Каким образом? Другой вопрос. Иногда — только на бумаге или в воображении праздных умов. Ведь существует и «развесистая тайна» — по ассоциации с «развесистой клюквой», под которой якобы сидел французский путешественник во время странствий по России («чаепитие под клюквой» приписывают Александру Дюма-отцу, впрочем, в его путевых заметках о поездке в нашу страну, где беллетрист встречался с девушкой по имени Телега, ничего подобного нет).

Поговорим, однако, о тайне настоящей, тайне — как явлении.

Председатель Мао в 1927 году в начале гражданской войны в Китае провозгласил, что «винтовка рождает власть». Власть рождает тайны, а порой и наоборот (это чаще) — тайны рождают власть, как бы подпитывают ее. Одни из своих тайн она доверяет собственным адептам, персонально отвечающим за соблюдение полной конфиденциальности под грифом «Top Secret» и исключительной дискретности. Непременен — со смертельной клятвой или с грозной подпиской о неразглашении. Нарушил — ответишь! И — не только по всей строгости ритуала или, бывает, сектантского порядка, но шкурой своей заплатишь. А то — и жизнью родных и близких... Действие, как известно, рождает противодействие. Поэтому закономерно, что бывают и другие тайны, которые рождаются как бы в противовес власти и ее институтам. И практически в любом случае происходит это на фоне

склонности человечества повиноваться сильной личности, — как бы такого волевого индивидуума ни называли: знахарем, шаманом, ведьмаком, вождем или магистром, — умеющей внушать окружающим свое сверхъестественное, оккультное призвание вести за собой людей. Это неискоренимое психологическое родство свойственно всем тайным обществам от глубокой древности до наших дней.

«Все мы немощны, ибо человецы суть», — поучали святители Иоанн Златоуст и Симеон Столпник. Все верно: человек обуреваем гордыней (слово это сравнительно новое, в перечислении библейских классических грехов говорится иначе: «гордость»), к тому же никому не врет так старательно, изощренно и вдохновенно, как самому себе. Отсюда зачастую и придумки на грани фантазмов, примитивные изобретения с претензией на «тайну». Они сопровождают многие поколения на протяжении всей их жизни наравне с мифами о коварных «теориях заговора» и о «мировом правительстве». И так — нельзя не признать — под солнцем и луной было во все времена. Ничего не поделаешь: испокон веков человечество не могло существовать без Тайны. Именно без Тайны с большой буквы. Страх перед тайным у человечества почти прошел, но любовь к нему осталась, скрытная, боязливая, стеснительная, но тем не менее, не побоюсь этого слова, страсть... Тайны славны слухами о них, пока есть слухи, живут и тайны.

Можно рассуждать о тайных обществах древних, начиная с пещерных людей. Достаточно вспомнить о первобытных тайных союзах, которые возникали у представителей пола, вдруг начавшего осознавать, что он сильный, как средство свержения матриархата и инструмент появляющейся племенной властной верхушки. Кстати, так называемые «мужские дома» с их гендерными ритуалами до сих пор существуют в некоторых примитивных обществах (скажем, в Папуа-Новой Гвинее среди горных племен энга, дани и других). Пережитки таких первоначальных культов наблюдались до недавнего времени на Соломоновых и Торресовых островах в Тихом океане. Были описаны эти нравы учеными

и на острове Новая Британия в Меланезии... Можно и перенестись через века и рассмотреть тайные общества обозреваемой с высоты XXI века современности, что мы тоже сделаем.

Безусловно, будет чрезвычайно увлекательно проследить «биографию» тайны — от пещерных обитателей до мира, фиксируемого в исторических документах. От каменного века до наших дней. Но по-настоящему интересно, по большому счету, не это. Не безудержная народная фантазия, вызванная страхом перед мощью природы и примитивно необъяснимыми фактами и актами. Не звучные легенды об алчных богах, которые требуют жертв, порой кровавых, от посвященных в их культ. Не жрецы, оракулы и шаманы, олицетворяющие для толпы земную ипостась предвкушаемой ею тайны... Нет! Нас в первую очередь интересуют отношения Человека и Тайны. Как действующих лиц Истории, а порой даже и как партнеров. Ведь, как известно поэтам-романтикам и философам-практикам, мир состоит вовсе не из атомов, а из человеческих историй. А что способно быть более захватывающим — до мурашек, — нежели такая история, густо начиненная тайной? Тем паче — коллективной тайной: люди издавна прибегали к ритуалам, в которые погружались если не целые общины и народы, то — во всяком случае — десятки, сотни, тысячи посвященных или просто-напросто желающих ими стать.

Что интереснее для рода человеческого: эпические предания, дающие доступные и увлекательные объяснения тайнам бытия, или скептические и критические оценки «достоверных» фактов, истинность которых — по гамбургскому счету — никто не в состоянии доказать? Смею предположить, первое имеет большую перспективу понравиться публике. «В начале было Слово...» Разве это не импульс, достаточный для сочинения мифов? Это давно прочувствовал польский мудрец Станислав Ежи Лец: «Творите о себе мифы. Боги начинали только так». *Vulgus vult decipi* (Толпа желает быть обманутой) — были убеждены древние римляне. Кто-то скажет: «А как же история?» Но существует ли она абсолютно объективно? «История — это ложь, с которой все согласны», —

утверждал Вольтер. «Для энтузиастов легенда — романтически окрашенная версия реальных событий», — вторил ему известный французский журналист-эзотерик Луи Шарпантье⁴, видевший в тамплиерах преемников Атлантиды. Впрочем, разве в капельке янтаря время не делает символом вечной истории мошку, некогда попавшую по неосторожности на берегах Балтики в сосновую смолу?

Яркий миф, тем паче — повторяющийся, заменяющий сухие летописи, делает историю реальной и порой даже священной. Более того, он становится не только «истинной, доподлинной историей», но и оправданием человеческих поступков, включая вопиющие преступления. И такова специфика не только «архаического общества», по формулировке Мирчи Элиаде⁵, но и современного социума, все равно какого — поверхностного или глубинного. Никто не станет отрицать, что наш мир еще сохраняет многочисленные следы мистического поведения пращуров, чья жизнь была густо замешана на Тайне (именно на Тайне с прописной буквы). Это касается не только религиозных культов, которые продолжают играть повсюду немалую роль. Но — и марксизма с его «бесклассовым обществом», восходящим к Золотому веку, и отпочковавшегося от постулатов Реформации американского государственного устройства с его разрекламированной идефикс о «совершенной демократии», и национальной израильской морали об «избранном народе», созданном Богом с именем, которое нельзя произносить, и британских иже с ними колониально-королевских традиций... Список можно продолжать. В общем, мифы — только так! Иначе не понять, как все на самом деле обстоит с тайной в наше время. Она, элемент цивилизации, порой так незаметно, неназойливо, совсем буднично бытует где-то рядом. До такой степени близко, что

⁴ Луи Шарпантье (1905–1979) — французский журналист, путешественник и популярный автор книг и смелых гипотез о тайнах готических соборов и тамплиеров.

⁵ Мирча Элиаде (1907– 1986) — румынский, французский и американский религиовед, историк религии и философ культуры.

дыхание спирает от удивления, когда тайное однажды — р-р-раз! — и становится явным. А для этого и требовалось, оказывается, всего-то ничего... Так, в конце XIX столетия по индийским деревням бродячие торговцы-офени разносили маленькие хлебцы. А вскоре вспыхнуло восстание против британцев: безобидные булочки оказались тайным знаком к началу выступления инсургентов. Казалось бы, заурядный хлебец из бездрожжевого теста, а какая сила заложена в секретном послании!

Иначе говоря, и в маленьких булочках порой может скрываться большая политика, проводимая тайными организациями... Все закономерно: если тайна обрамляется определенными структурными рамками, она чаще всего воплощается в тайном обществе. Ведь большинство известных нам тайных обществ, даже выступающих с религиозными принципами, во все времена создавалось для достижения политических целей. Или в процессе своего существования приходили к пониманию политических задач как своих основных. Тем паче, что в большинстве стран гражданские и церковные институты были столь тесно связаны между собой, что невозможно было отделить интересы власти от потребностей клира. Причем, на этом фоне мало какие тайные общества стремились к свержению устоявшегося в государстве статуса-кво. Уничтожение официальной власти и замена ее иной формой правления отнюдь не являлись амбицией членов большинства тайных организаций (не говоря уже о преступных, а порой и религиозных). Они обычно хотели лишь улучшения режима, гуманизации и демократизации его. Добивались перемен в каких-то определенных государственных сферах, скажем — в законодательстве или в образовании, требовали соблюдения принципов и положений конституции... Однако и этой малости было зачастую достаточно охлократии, чтобы объявить тайные общества вне закона и начать преследовать их, «нелигитимных», с позиции властей и следующего за ними большинства членов общества. Парадокс ситуации заключается в том, что в чрезвычайных ситуациях, в условиях максимального кипения толпы, недовольной своими правителями,

нередко именно «тайные» становились теми важными социальными элементами, которые спасали ослабленную систему государственного правления. Из патриотизма и благородных побуждений приходили ей на помощь. За что, впрочем, весьма часто и очень дорого платили: «благодарные» соотечественники высмеивали, унижали и нередко уничтожали под корень тайные общества. Это и понятно: первый удар в грозу приходится на громоотвод.

Заметки на полях

«Одну из самых очевидных причин строгой секретности, окружавшей всех, кому посчастливилось испытать из этого неисчерпаемого источника мудрости, можно увидеть в истории альбигойцев, катаров и тамплиеров, стертых с лица земли фанатичным христианским большинством, — пишет Кеннет Райнер Джонсон, исследователь творчества Фулканелли, главного алхимика XX века. — Догмат о гневно-боге и обещание адского пламени и вечного проклятия всем, кто отказывается в него верить, помогал держать простых людей в повиновении, причиной которого был страх. Люди понимающие и просветленные были вынуждены следовать своим собственным, чистым путем втайне».

Не удивительно: тайна во все времена была вынуждена защищать себя, путать свои следы аллегориями и притчами. Вот как говорили о специфике тайны восточные мудрецы-суфии⁶, ассоциировавшие тайну с духовностью: «Концентрируйся на духовности, сколько хочешь — она обойдет тебя, если ты ее недостойн. Пиши о ней, гордись ею, толкуй ее — она не принесет тебе никакой пользы и „улетит“ от тебя. Но, если духовность увидит твою сосредоточенность, то, подобно прирученной птице, сядет на твою раскрытую ладонь. Разве станет павлин сидеть в неподходящем месте?» Суфии продолжали: «С пробуждением в человеке внутренней жизни начинают работать пять внутренних чувств. Неосязаемая пища <...> начинает

⁶ Суфии — приверженцы мистическо-аскетического направления, пришедшего в ислам из древности.

проявлять свои внутренние свойства. Внутренние чувства в некотором смысле напоминают физические, но не больше, чем медь похожа на золото».

Решительному большинству людей рассуждения об абстрактных «высоких материях» всегда казались не просто пустыми, а граничащими с сумасшествием. Философов-романтиков во все эпохи «господа практические» считали опасными оригиналами, едва ли не несчастными, обделенными рассудком неудачниками. В лучшие времена на них смотрели как на юродивых, в худшие — распинали на кресте или сжигали на площади на костре. «Идиотами», напомним, в древней Греции называли людей «не от мира сего» — тех, кто игнорировал политическую жизнь, не ходил на традиционные шумные собрания и на празднества граждан полиса и, вообще, был равнодушен к общественной хронике: Сократ, Гераклит, Диоген, Демокрит... «Идиос» по-гречески означает «отдельный». Те, кто не были такими как все, а это само по себе подозрительно, за этим чувствуется некая тайна. Такое не прощается толпою.

Во все времена для социума несть числа поводов относиться с опаской к тайным обществам. С одной стороны, в них собирались самые решительные люди, оснащенные наиболее передовыми для своей эпохи знаниями, открытые для нового и неизведанного, но при этом выпадающие из традиционных лекал. С другой — общественное сознание, начиная от Античности и вплоть до XIX века, находилось чаще всего во власти предрассудков и невежества и было не готово свободно воспринимать идеи улучшения существующих устоев и форм правления, прорывные научные гипотезы. А тайные общества исподволь, незаметно воздействовали и на институты власти, и непосредственно на социум, который старались просвещать. Дискретная работа, многотрудная и опасная, но тем не менее приносящая со временем значимые результаты: вода, как известно, и камень точит. Особенно там, где государство бессильно, раздроблено и ослаблено. В этом случае тайные общества заменяли согражданам и церковь, и судебное

правосудие, и финансовую систему, и университет... К тому же сам по себе флер загадочности и секретности, который неизбежно сопровождал деятельность тайных обществ, помогал держать население в страхе. Неведение и загадки кормят суеверия и играючи превращают филистеров с их воспаленным невежественностью воображением в послушных винтиков и деловитых шестеренок общественных и государственных механизмов. Гармония общества невозможна в заблуждении. Другое дело, что доказывать людям их заблуждение — задача безумно непростая.

Но есть и обратная сторона медали. Сама форма деятельности тайных обществ — в узком кругу посвященных, в темное время суток, вдали от глаз и ушей зевак — вызывала неприятие их со стороны властей и возбужденное недоверие со стороны обывателей. Ничто людей так не раздражает, как то, чего они не понимают. Не зря еще великий Гофман⁷ говорил, что мы готовы простить своему соседу все что угодно, кроме его гениальности. К тому же таинственность, закрытость неизбежно вызывают подозрительность. Отсюда и совершенно дикие, бредовые обвинения, выдвигаемые филистерами, чаще всего с подачи властей, в адрес членов тайных обществ. Силы заведомо неравные. Находящиеся, можно сказать, на полулегальном или скорее даже на нелегальном положении, члены тайных обществ не имели возможности подать голос в свою защиту. Не могли открыто и гласно выступить с опровержениями наветов и с разоблачениями клеветников. Поэтому они решили действовать с тщательной избирательностью: начали устанавливать контакты и в дальнейшем тесно общаться только с равными себе, с себе подобными. (Происходило нечто вроде условного клонирования.) Если такие люди и создавали впоследствии свои общества, которые превращались в тайные, то в значительной степени происходило это в силу вынужденных обстоятельств. Как следствие — и их особый, недоступный для людей со стороны, для непосвященных, язык...

⁷ Эрнст Теодор Амадей Гофман (1776–1822) — немецкий писатель-романтик, сказочник, композитор, художник, юрист.

Все это означало, что обывателям можно было распускать какие угодно слухи о тайных обществах, безнаказанно клеветать на их членов, распространяясь везде о «теории заговора», и нередко спокойно получать за эту «липу» тридцать серебряников.

Возникал порочный круг: чем больше власти и граждане искажали цели и обычаи тайных обществ, тем тщательнее их члены замыкались в раковине ритуалов и дисциплины, направленной на соблюдение секретности и ограничение числа посвященных. Только к концу XX столетия эта практика начала сходить на нет. Там, где существует истинное просвещение и есть свобода слова, тайным обществам нет никакого резона критиковать принципы государственности и совершенствовать впотьмах социальную систему. Не лучше ли выйти из сумрака на свет и реализовывать в условиях демократии свою программу открыто и гласно, согласовывая действия с волей сограждан и их достойных доверия руководителей?

«Мы живем в эпоху сумасшедших преобразований, — говорил мне Луи Повель, блистательный журналист и мастер фантастического реализма, с которым мне доводилось в восьмидесятые-девяностые годы прошлого столетия неоднократно встречаться в парижской редакции „Фигаро-магазин“, — и ощущаем себя то отстающими людьми нового времени, то наивными современниками будущего. При этом, чему бы нас ни учили наши просчеты, ошибки, поражения, мы все равно упорно верим в чудеса. С человеком случается не то, что он задумывает и чего добивается, а то, что на него похоже. Разве не чудо, обрамленное тайной, наше появление на этой планете? Неудивительно, что мы сами и похожи на тайну, которую никак не в силах разгадать и познать. Любое дело губят дилетанты, те, которые не способны глубоко думать и поэтому ищут мистические оправдания собственных неудач. *Sapere aude*⁸ — таким был девиз Просвещения. Нам нужно сметь пользоваться собственным умом, чтобы не скатиться

⁸ «Имей мужество пользоваться собственным умом» (лат.).